

Чезаре Ломброзо

Исключительно оригинально воспринял идеи Мореля один итальянский профессор психиатрии, преподающий на кафедрах в Павии и Турине... но давайте по порядку.

Езекия Марко

Шестого ноября 1835 года в прославленной многими поэтами и драматургами Вероне родился мальчик. Нарекли его Езекия Марко. А что? Обычное имя для мальчика из хорошей еврейской семьи Ломброзо, проживающей среди итальянцев (преимущественно итальянцев).

Родители Изи, Аарон Ломброзо и Ципора Леви, понимали, что скрипка — это прекрасно, но нужно же думать и за перспективы, поэтому отправили его учиться.

Университеты Падуи и Вены, лингвистика, археология и литература... Но однажды юный Езекия понял, что по-настоящему его интересует совершенно другое направление. И поступил на медицинский факультет.

Тут, пожалуй, стоит отметить влияние ещё двух человек, помимо родителей. Родители-то были людьми весьма набожными, и как знать, что выросло бы из юного Езекии Марко, не случись в его судьбе кузена по материнской линии, Давида Леви, поэта и члена революционной организации «Молодая Италия» (помните роман «Овод» Этель Лилиан Войнич?), который посмеивался над семейным укладом Ломброзо и твердил, что быть религиозным на всю голову — это, наверное, удобно, но выглядит забавно.

Вторым человеком, повлиявшим на выбор жизненного пути, стал Паоло Марцоло, врач и лингвист, с которым Езекия познакомился, будучи 14 лет от роду, и который зажёг интерес юноши к языкам, истории, а ещё к антропологии и анатомии.

Знала бы мама, как проходит студенческая жизнь Изи — сидел бы Изя дома, играл бы себе и маме на скрипке. Да кто бы ей рассказал про попойки, потасовки, студенческие братства и идеи, бродящие в юных умах, — всё больше о революциях и новом идеальном государстве, этаким Эдеме в масштабах отдельно взятой Италии (ага, и верните, пожалуйста, всё, что оттяпала Священная Римская империя, а следом — Наполеон).

А письмо вроде «Здравствуй, мама, пишу тебе из тюрьмы» так и вовсе сильно бы расстроило, поэтому Изя его так и не написал. Но в тюрьму загреметь-таки умудрился: австрийские жандармы к вопросам порядка в империи относились очень ревностно и однажды, заподозрив Езекию Марко сотоварищи в антиправительственном заговоре, повязали всех. Потом, правда, отпустили — ну что со студента возьмёшь, кроме горстки клопов?

Для Изи сидение бесследно не прошло. Он успел подумать об жалко расстраивать мамеле, об непременно напиться, когда (и если) уже выпустят, об видал он императора и всех его жандармов в белых тапочках, а также об пора бы уже взяться за ум. И ещё об какие отвратительные рожи! У сокамерников, то есть. Дегенерат на дегенерате. Хорошо, что ему с ними не по пути. И, покинув, наконец, камеру, он решительно заявил: Изя умер в возрасте 21 год. Так что врачебный диплом, пожалуйста, выпишите на имя Чезаре Ломброзо. Мол, как его вы назовёте — так оно и поплывёт.

Уже Чезаре

И ведь как поплыл: уже через три года Чезаре, поднабравшись практики, становится военврачом, участвует в австро-итало-французской войне и следующих за нею восстаниях. Потом он стажировался в лучших клиниках Вены и Парижа, пишет работу «Исследования по кретинизму в Ломбардии», и вот в 1866 году он уже профессор психиатрии в ломбардской Павии, а пятью годами позже, в 1871 году — главврач психбольницы в Пезаро.

К этому моменту у доктора имеется не только личное кладбище (как положено всякому уважающему себя практикующему доктору), но и личная кунсткамера: во время войны и восстания Чезаре собирал оригинальные трофеи — черепа и скелеты, заспиртованные в стеклянных банках мозги... Позже, живя в Турине, Ломброзо устроит в своем доме своеобразный музей из этих экспонатов. Помните стишок: «Джон — патологоанатом, Джон берёт работу на дом, и у Джона на дому многолюдно потому»? Вот и у Чезаре тоже...

Но бог с ними, со скелетами и заспиртованными мозгами, мы-то помним Ломброзо не из-за них. Сидение в тюрьме оставило в душе доктора заметный след. Он стал всерьёз интересоваться криминалистикой. Причём интерес этот не остался исключительно умозрительным, а получил вполне конкретное развитие и воплощение.

Прообраз полиграфа

Один гидросфигмометр чего стоит. Что, не слышали? А про полиграф? А про детектор лжи? Ну так Ломброзо — их отец. Кто-то, вероятно, скажет, что ещё китайцы, да много веков назад, да с горсточкой сухого риса... но кто тех китайцев помнит по именам? А Чезаре Ломброзо — вот он. Идея такова: во время процедуры подозреваемому показывают фото и картинки, как связанные, так и не связанные с преступлением. И параллельно измеряют артериальное давление и частоту пульса. И по реакциям подозреваемого делают вывод: говорит ли правду, врёт ли, и если врёт, то где конкретно.

Но даже гидросфигмометр не так запомнился, как другое направление деятельности профессора. Какое?

В то время о психологии преступника ещё только-только начали говорить и писать. В 1836 году вышла работа Бенжамина Николя Мари Апперта «*Bagnes, prisons et criminels*» (Каторга, тюрьма и преступники), в 1841 году Юбер Ловерн пишет «*Les forçats considérés sous le rapport physiologique, moral et intellectuel*» (Осужденные, рассмотренные с физиологической, моральной и интеллектуальной точек зрения), а в 1870–1871 годах выходят статьи Дж. Брюса Томпсона «Наследственная природа преступности» и «Психология преступников» — но как выходят, так и забываются, не оставив следа.

Зато в 1874 году соотечественник Чезаре, доктор Гаспар Верджилио написал «*Saggio di ricerche. Sulla natura morbosa del delitto*» (Исследовательское эссе. О болезненном характере преступности), где высказал своё веское мнение: дескать, многие прирожденные преступники — эпилептики.

Ломброзо к тому моменту был знаком с «Трактатом о вырождениях» Мореля, и работа Верджилио лишь укрепила его в правоте собственных предположений. Каких именно? А вот теперь давайте по порядку.

«Гениальность и помешательство»

Дело в том, что ещё до вступления в должность главврача психбольницы в Пезаро Чезаре пишет работу «Гениальность и помешательство». Причём не просто дает в ней

умозрительные выкладки, а приводит данные собственных антропометрических исследований. Форма черепа и ушных раковин, типаж носа и губ, особенности роста волос и разреза глаз — факторов много. Плюс анализ общеизвестных фактов из жизни, так сказать, замечательных людей. Промежуточные выводы таковы:

1. Многие гении были со странностями... хорошо, давайте скажем: выделялись ещё с детства. Ампер, вон, уже в 13 лет мог преподавателей математики за пояс заткнуть, а Паскаль придумал теорию акустики, просто слушая, как звучат тарелки, которые расставляют на стол, ещё будучи 10 лет от роду.

2. Злоупотребление всяким дурманом, спиртным и стимуляторами среди гениев — дело обычное. Алкоголь, опий, гашиш, абсент, кофе — и сам список, и гениев, которые по нему проходились, можете припомнить сами.

3. Многие не могли творить, просто сидя в тиши своего кабинета: им подавай моционы, путешествия.

4. С профессиями и специальностями то же самое: гениальность сродни блуждающему внутреннему стержню с заострённым каудальным концом: кольнёт в очередной раз — и вот Иван Васильевич снова меняет профессию.

5. Кипит их разум возмущённый и заставляет браться за науку, а в самой науке — за сложнейшие вопросы, словно желая себя охладить. И ведь в любой науке, за какую бы гений ни взялся, он ухватывает то новое и свежее, которого не видят другие. Ну а что выводы порой нелепы — так гении же...

6. У всех гениев есть свой неповторимый стиль, страстный, живой, бьющий ключом, непохожий на стиль простых смертных — видимо, оттого что подобен экстазу или припадку. А прошёл экстаз — и нету сил не то что сочинять, но хотя бы мыслить!

7. Почти все гении страдали от своих сомнений в вопросах религии: умные слишком. А совесть при этом грызла изнутри, мол, преступно же сомневаться в каноническом! Вот, например, слова швейцарского анатома, физиолога и просто поэта Альбрехта фон Галлера: «Боже мой! Пошли мне хотя бы одну каплю веры; разум мой верит в тебя, но сердце не разделяет этой веры — вот в чём моё преступление».

8. Ненормальность гениев видна уже в их поведении, речи, выводах, а также в нелепостях, когда речь идёт о повседневной жизни.

9. Почти все гении ссылаются на необычные сны и придают им особое значение.

А затем Ломброзо делает главный вывод: гений — это эпилептик! Просто припадки у него неправильные, сокрытые, и там, где обычный помешанный забьётся в судорогах, у гения будет приступ творчества. Читали, небось, в работах Мореля о скрытой эпилепсии? Так вот, это она и есть.

Такой тачки навоза на свои ветряные мельницы Европа давно не получала. Ругали, восхищались, опровергали и подтверждали — словом, реакция была бурная, и имя профессора прозвучало весьма громко — не в последний раз.

«Человек преступный»

Помните интерес Ломброзо к криминалистике как отголосок собственного пребывания в тюрьме, когда ему окружающие его отвратительные рожи не понравились? Это увлечение, приправленное теоретическими выкладками, получило вполне ожидаемое направление.

В 1864 году в одной из итальянских тюрем отправился на тот свет любитель побаловаться огоньком и присвоить чужое имущество пастор Джузеппе Вильела. Классический был злодей: изворотливый, изобретательный, циничный и любивший похвастать своими, так сказать, достижениями. И вот, вскрывая его тело и добравшись до черепа, Ломброзо с удивлением заметил: ба, а средняя-то затылочная ямка у негодя прямо как у обезьяны! Синьоры, а нет ли у вас ещё кого на предмет вскрыть?

Зная, в каком направлении искать, Ломброзо делает серию вскрытий в местных тюрьмах — и утверждает в мысли о том, что Морель-то с его теорией о дегенерации был прав. Преступники-то в массе своей больше на обезьян да на первобытных людей походят!

«Я нашел корни проблемы самой природы преступника — существа с ярко выраженными атавистическими признаками, на лице которого написаны свирепые инстинкты питекантропа и наших древнейших предков, обезьян».

Вот почему и «Трактат о вырождениях» Мореля, и работа доктора Верджилио пришлось как нельзя кстати (ведь эпилептик, если следовать теории Мореля, — определённо дегенерант). И в 1876 году выходит книга Ломброзо «L'uomo delinquente», или «Человек преступный».

Если совсем вкратце, то суть теории, предлагаемой доктором Чезаре, такова: есть люди, которые из-за шага назад по эволюционной лестнице, из-за дегенерации родились с атавистическими чертами. То есть с чертами дикарей и обезьян. Такие люди от природы ленивы, зато у них хорошо развиты зрение, слух и чувство шухера... нет, последнее вычеркните, пожалуйста. А ещё снижен болевой порог. А ещё присутствует «врожденное желание творить зло». То есть преступниками рождаются, а не становятся.

И если присмотреться внимательнее, то черты преступника можно рассмотреть чуть ли не с младых лет.

Всего Ломброзо выделяет четыре основных преступных типажа: убийца, вор, насильник и жулик. И у каждого типажа есть характерные признаки.

Убийцу, например, выдаст стеклянный взгляд и ястребиный нос; вора — прямой нос и маленький череп, насильника — большие уши и пухлые губы

Ах да, ещё про цвет волос не забудьте: брюнеты более склонны к воровству, блондины — к мошенничеству и половым непотребствам, а вот шатены — к убийствам.

Впрочем, цвет волос — общая наводка, надо на стигматы смотреть. Вывод: зачем ждать, пока случится страшное? Профилактика — наше всё! Паровозы надо давить, пока они чайники! Мол, отруби лихую голову с превентивной целью...

Помните, я говорил, что работа «Гениальность и помешательство» была тачкой навоза, попавшей на лопасти европейских ветряных мельниц? Так вот, по сравнению с «Человеком преступным» то был марципанчик. Чтобы прочувствовать, просто возьмите перечень стигматов, предложенных Ломброзо в качестве маячков: низкий скошенный лоб, большие челюсти либо их косая проекция, высокие скулы; нос — сплюснутый, вздёрнутый или орлиный; уши — слишком большие, слишком маленькие или в форме ручки чашки; бегающий или стеклянный взгляд, куцая борода или плешь, длинные руки, нечувствительность к боли.

А теперь примерьте на своих знакомых или посмотрите в зеркало. Прониклись? Посчитали, скольких, если верить Ломброзо, нужно было ещё в детстве из рогатки того? Или прямо сейчас, не доводя до греха? Вот и современники Чезаре тоже прикинули. И даже провели замеры среди итальянских солдат: 63 % — явные преступники! Да что там солдаты — народ стал с опаской на соседей поглядывать, а также украдкой на высокопоставленные лица.

«Женщина преступная»

Но Чезаре уже разошёлся: что это, мол, я всё о мужчинах толкую? У нас тут женщины без внимания чахнут! И в 1893 году выходит его труд «La donna delinquente», или «Женщина преступная», который, правда, в переводе на русский более известен, как «Женщина преступница и проститутка», но оставим это на совести переводчиков.

В этой своей работе Ломброзо постарался показать взаимосвязь женского начала и женщины *per se* с такими противоречивыми явлениями, как любовь, с одной стороны, и проституция с преступностью — с другой. Причем не поленился сделать экскурсы в историю и зоологию, поэтому книга получилась тоже весьма скандальной, под стать предыдущим работам. Чтобы было понятно, каков эпатаж, приведу небольшую цитату из труда:

«Среди проституток необыкновенно распространены сравнительно легкие преступления, как воровство, вымогательство и нанесение телесных повреждений. С психологической точки зрения проститутка та же преступница, и если она не совершает преступления, то причина этого — её физическая слабость и ограниченное умственное развитие, а еще более то обстоятельство, что в разврате она имеет средство для удовлетворения всех своих желаний и потому по закону затраты наименьшей энергии предпочитает именно это средство другим.

Итак, проституция есть специфическая форма женской преступности. Настоящие преступницы, совершившие более или менее тяжелые преступления, представляя собою всегда крупные аномалии в том или другом отношении, отличаются необыкновенной нравственной извращенностью, далеко превосходящую мужчин, и с биологической точки зрения обладают чисто мужскими характерами — словом, на них нужно смотреть скорее как на исключения из среды женщины.

Таким образом, подтверждается наш взгляд, что истинную женскую преступность нужно видеть именно в проституции.

Теперь нам станет понятным, почему среди проституток преобладают именно легкие, незначительные преступления. Будучи по своей природе преступницами, они идут по общему для всех преступников пути, но только до известных, так сказать, пределов: за этими пределами их преступность начинает выражаться уже в особой специфической форме, в проституции. Мы знали многих девушек, которые в детстве были воровками, а выросши, перестали воровать и сделали проститутками».

Понятное дело, общественность стала на Ломброзо косо поглядывать, а кое-кто не преминул и в чертах самого профессора найти описанные им же стигматы: уж не маньяк ли вы сами, батенька? И Чезаре с годами то ли смягчился, то ли решил, что есть многое, чего не стоит делать против ветра: во всяком случае, он перестал настаивать на том, чтобы изводить потенциальных преступников под корень лишь на основе имеющихся стигматов, и даже стал высказываться против смертной казни вообще.

И СВОЮ ГОЛОВУ — В МУЗЕЙ

А в 1892 году, когда коллекции скелетов, черепов, личных вещей и заспиртованных мозгов представителей преступного мира, портретам и фотографиям душегубов и

насильников стало тесно и многолюдно на дому у Ломброзо (а вы точно не маньяк, профессор?), Чезаре отдал её в Туринский университет. Позже, в 1898 году, на основе этой экспозиции организовали музей криминальной антропологии, в который по завещанию Ломброзо после его смерти в 1909 году поместили и его заспиртованную голову. Так что будете в Турине — заходите в гости.

Генрих Шюле

Обратим же теперь внимание на двух других выдающихся психиатров, кои прониклись идеями Мореля и стали авторами учебников по психиатрии. Причём учебников, которые на долгие годы сделались настольными книгами любого, кто решил посвятить себя этой профессии.

Генрих Шюле родился 24 августа 1840 года в славном городе Фрайбурге, что в Брайсгау, знаменитом своим 116-метровым Мюнстером, то бишь Кафедральным собором, университетом, в коем учился Эразм Роттердамский, фрайбургскими ручейками, случайно вступив в которые, девушка рискует выйти замуж за фрайбуржца, а юноша — соответственно, на фрайбуржке жениться, ну и, конечно же, местными колбасками.

Живя во Фрайбурге, было бы нелогично выбирать себе университет где-то ещё: заведение солидное, квалитет преподавания на высоте — вот и Шюле не стал оригинальничать. А уж после окончания университета нужно было выбирать, где наработать опыт. И Генрих выбрал Илленау: заведение, что открылось в земле Баден-Вюртемберг близ Ахерна в 1842 году, уже успело стать знаменитым, там работают и преподают маститые германские психиатры, так чего ещё желать! Там же он знакомится с трудами Мореля и проникается основной их идеей (да, той, что о вырождении). И когда, набрав солидный клинический и академический багаж, в 1877 году Шюле пишет свою «Клиническую психиатрию», эта идея находит в ней своё место.

Он предлагает собственную классификацию психических болезней, положив в её основу антропологический принцип — между прочим, вовсе не умозрительный: за три года до выхода учебника «Клиническая психиатрия» он публикует работу «Данные вскрытий с приложением историй болезней и эпикризов». Итак, Шюле предлагает поделить душевнобольных на две неравные половины, или класса.

У первого класса пациентов никаких врожденных отклонений и пороков развития нет, и болезнь ими приобретается в силу внешних причин. Сама же картина болезни будет зависеть от того, в каком возрасте эти внешние причины начали действовать на организм, а также от того, насколько крепка башня... энтшульдиген зи, насколько хорошо сопротивляется болезни мозг. И тут, по словам Шюле, можно выделить болезни крепкого мозга и болезни инвалидного мозга.

У второго класса болезней не приобретена, а таится внутри с самого рождения, чтобы показать себя во всей красе в определённом возрасте. То есть она обусловлена изначально пороком развития и представляет собой не что иное, как вырождение — да, так и запишем: дегенеративное помешательство.

Сами же проявления сбоев психической деятельности, при всём их разнообразии и различии причин, он предлагает поделить: а) на болезненно-усиленную, б) болезненно-связанную, в) болезненно-ослабленную психическую деятельность.

И тогда классификация психических болезней будет выглядеть так:

I. Психозы на основе законченного органического и психического развития:

1. Психозы «крепкого мозга» (психоневрозы в тесном смысле):

- а) меланхолия;
- б) мании с их исходными (вторичными) состояниями.

2. Психозы «инвалидного» мозга (церебропсихозы):

- а) более тяжелые формы мании;
- б) помешательство в его острой, хронической и атонической форме;

- в) острое первичное слабоумие со включением галлюцинаторного ступора;
- г) истерический, эпилептический и ипохондрический психоз, а также периодические, циркулярные и альтернирующие психозы; душевные расстройства как следствия внемозговых телесных болезней (лихорадочных, послеродовых и т. д.), а также интоксикации.

3. Злокачественные состояния истощения мозга:

- а) острое истощение мозга — острый бред;
- б) хроническое истощение мозга с характером разрушения — классический прогрессивный паралич.

4. Психические церебропатии: психозы как следствие подострых и хронических (диффузных или очаговых) болезней мозга — видоизмененные формы прогрессивного паралича.

II. Психозы на почве недостаточно совершенного органического и психического развития (дефективная, дегенеративная конституция):

1. Наследственный невроз. Приложение: скоропреходящие психозы.
2. Простое наследственное помешательство — навязчивые представления; сюда же относится бред сутяжный.
3. Так называемое оригинальное помешательство.
4. Дегенеративное наследственное помешательство (моральное помешательство).
5. Идиотизм.

Учебник Шюле действительно был настольной книгой психиатров в конце XIX века — вернее, в его 80-е годы, ровно до момента, пока не появился учебник автора Крафт-Эбинга.

Рихард фон Крафт-Эбинг

Рихард Фридолин Йозеф барон Краффт фон Фестенберг ауф Фронберг, называемый фон Эбинг (зовите меня просто Рихард фон Крафт-Эбинг, гут?), родился 14 августа 1840 года в Мангейме — Квадратештадте, как его порой называют, — где в центре красуется замок пфальцских курфюрстов, а весь центр параллелен и перпендикулярен стенам этого замка. Семья Рихарда была семьёй потомственных юристов и госслужащих. Во всяком случае, дед по материнской линии получил прозвище «защитника проклятых», поскольку, бывало, защищал на суде тех, о ком и говорить-то по тем временам было как-то не очень прилично — всяких аморалов и извращенцев. И мог кое-что порассказать и о самих подзащитных, и о ходе процесса во время семейных посиделок — что позже Рихарду ещё аукнется.

Впервые интерес к психиатрии у Рихарда появился во время учёбы на медицинском факультете Гейдельбергского университета: лекции по этому предмету читал тогда мастодонт от психиатрии Йоханн Баптист Фридрейх. А позже, заболев тифом и будучи отправлен для поправки здоровья в Цюрих, Крафт-Эбинг стал посещать лекции в Цюрихском университете, где в то время как раз делился знаниями Вильгельм Гризингер — и просто влюбился в психиатрию.

Свой докторский диплом Крафт-Эбинг защищает в возрасте 23 лет, в 1863 году, написав диссертацию, посвященную бреду. Защищает — и отправляется в малое европейское турне: Вена, Прага, Берлин. В университетах этих городов читают интересные лекции, а в университетских клиниках можно пополнить практический опыт. Турне длится год, и в 1864 году Рихард устраивается ассистентом в Илленау (ну вы помните про этот инкубатор германских психиатров).

А через шесть лет, в 1870 году, началась франко-прусская война. Безусловным шлягером снова стал «Фредерикус-Рекс-Гренадиренмарш»: «Цвайхундерт батальоне унд таузанд эскадронен, унд едер гренадир ерхальт зексцих патронен». И если в австро-прусско-итальянской войне, что отгремела четырьмя годами ранее, Рихарду участвовать не довелось, то на этот раз захлестнуло и его: он поступает на службу военврачом в чине капитана.

После войны Крафт-Эбинг на время оседает в Баден-Бадене, где некоторое время занимается частной практикой и реабилитацией раненых, а также по приглашению читает лекции в Страсбургском университете. Лекции привлекают внимание, и в 1863 году Рихарда приглашают в австрийский Грац: мол, у нас тут не только арсенал, у нас и университет имеется, и даже университетская клиника! Причём кафедра психиатрии в университете Граца считалась по тем временам второй по рейтингу после кафедры в Венском университете — и Крафт-Эбинг соглашается.

Четверть века возглавляет Крафт-Эбинг кафедру психиатрии в университете Граца. А ещё, сразу же по прибытии в этот славный город, его заботам поручают «Фельдхоф», местный сумасшедший дом. Мало того, через два с небольшим десятка лет Рихард открывает в пригороде частный Штейермаркский приют для умалишенных.

Именно в годы заведования кафедрой психиатрии в Граце, обобщая опыт наблюдения за картинами болезней более 20 000 (вдумайтесь в эту цифру!) пациентов, Крафт-Эбинг и пишет свой знаменитый «Учебник психиатрии», изданный впервые в 1879 году (на русский язык, к слову, его перевели и отпечатали в Санкт-Петербурге уже в 1881 году) и переживший много-много переизданий. И неудивительно: мало того, что это был по тем временам едва ли не самый подробный учебник в области психиатрии, так он ещё и написан был шикарно, очень художественно, я бы сказал.

Подобно Шюле и вполне в духе идей Мореля, Крафт-Эбинг делит все психозы на две группы: психические заболевания вполне себе развитого мозга и состояния психического недоразвития; при этом болезни с печатью вырождения он помещает как в первую, так и во вторую группу.

Классификацию психических болезней Крафт-Эбинг предлагает собственную, ещё более полную, нежели Шюле. Хотя, если сравнивать с современной, она все же покажется вам ещё довольно лаконичной:

I. Психические заболевания вполне развитого мозга:

А. Болезни без очевидных патологоанатомических изменений — функциональные психозы:

1. Психоневрозы, то есть заболевания нормально предрасположенного и правильно развитого мозга:

а) меланхолия, или мрачное помешательство, или невроз с психической задержкой:

- меланхолия простая;
- меланхолия с отупением.

б) мания (невроз с психическим возбуждением):

- маниакальное возбуждение;
- неистовство.

в) отупелость, или острое излечимое слабоумие (невроз с психическим истощением);

г) чувственный бред, или галлюцинаторное помешательство.

2. Психические вырождения (то есть заболевания мозга, болезненно-предрасположенного от рождения или сделавшегося предрасположенным — инвалидным или недужным — в течение жизни):

а) конституционально-аффективное, или резонирующее помешательство;

б) первичное помешательство:

- врожденная форма;
- приобретенная или запаздывающая форма, внутри последней различают типическую форму с бредом преследования и величия, сутяжное сумасшествие, религиозное сумасшествие и эротическое сумасшествие.

в) периодическое помешательство;

г) помешательство, развивающееся из конституциональных невропсихозов:

- неврастеническое помешательство;
- эпилептическое помешательство;
- истерическое помешательство;
- ипохондрическое помешательство.

Б. Болезни с постоянными патологоанатомическими изменениями — органические болезни мозга с преобладанием психических расстройств — органические психозы:

1. Острый бред (в патологоанатомической картине — транссудативная гиперемия с переходом в острый диффузный периенцефалит);

2. Хронический паралич помешанных, или паралитическое слабоумие (с диффузным хроническим периенцефаломенингитом в патологоанатомической картине);

3. Сифилис головного мозга.

Прибавление:

1. Алкоголизм хронический;

2. Морфинизм.

II. Состояния психического недоразвития:

А. Идиотизм (при соединении его с телесными признаками вырождения — кретинизм):

1. с преобладанием умственного недоразвития (прирожденное слабоумие и безумие);

2. с преобладанием нравственного недоразвития (прирожденное нравственное помешательство).

Там же, в Граце, Рихардом была написана ещё одна работа, которая выстрелила даже сильнее его учебника, была 12 раз переиздана ещё при жизни автора (и многие десятки раз после) и принесла ему мировую известность — со скандальным оттенком.

Напомню, что дед Рихарда по материнской линии, Карл Йозеф Антон Миттермайер, за годы юридической практики получил прозвище «защитника проклятых» — и наверняка рассказы о процессах над людьми, от которых отвернулось общество из-за их, мягко говоря, необычных поступков и сексуальных предпочтений, дома звучали. И Рихард хоть краем уха, да что-то слышал.

Позже, во время врачебной практики, он и сам не раз сталкивался с феноменами, о которых в приличном обществе говорить было не принято. И сталкивался, пожалуй, почаще многих своих коллег: после того как в Страсбурге он издал свои «Основы криминальной психологии», его не раз просили выступить в роли эксперта во время судебных процессов. И в 1875 году Крафт-Эбинг пишет «Учебник по судебной психопатологии». Но речь сейчас не об этих трудах.

В 1886 году выходит его книга *Psychopathia Sexualis*, или «Сексуальная психопатия». Выходит на латыни — мол, это не для ширнармасс, это для узкого врачебного круга. Да только всё напрасно: даже на латыни это оказалась бомба. Сначала прочитали те, кто умел, потом перевели тем, кто не умел, те зашептались, потом чуть ли не в голос закричали, в основном что-то эмоционально насыщенное и с преобладанием оценочных суждений. «Что тут такого?» — спросите вы.

Ну вот представьте себе, что на главном телеканале страны вдруг начнут крутить жёсткое порно. А в школах введут в обязательную программу «Луку Мудищева». Представили реакцию общественности? Можете смело экстраполировать. Ну не пристало по тем временам говорить про такое. Тем более не пристало писать. Даже на латыни. Тем не менее, книгу еще при жизни Крафт-Эбинга переиздали аж 12 раз. А потом стали переводить с латыни на многие-многие языки.

Всем было интересно узнать, что же такое пишет профессор и судебно-медицинский эксперт про сексуальные девиации, про извращения всякие. Противно, скандально, тошнотворно — но, чёрт возьми, интересно же!

Довольно подробно остановился Крафт-Эбинг в этой книге на гомосексуальности, называя её «инвертированной сексуальностью». Причем рассматривал он это явление именно как девиацию и как врожденное нейропсихическое отклонение, что по тем временам было свежо и даже революционно: в той же Великобритании и Пруссии гомосексуализм был уголовно наказуем, поскольку расценивался как преступление против морали и нравственности, и сроки за него шили ого-го какие. Оскар Уайльд не даст соврать. А тут такая непозволительная мягкость: отнести гомосексуалистов не к преступникам, а к вырожденцам и наследственным извращенцам и просить, чтобы их, больных, в тюрьму не сажали, а отдавали в сумасшедшие дома.

Описывается в книге и садизм, и мазохизм, и зоофилия, и даже бертранизм. Что, не слышали? О, это целая история.

Но вернёмся к Рихарду фон Крафт-Эбингу. В 1889 году Рихард оставил заведование кафедрой в Граце, чтобы тремя годами позже, в 1892 году, принять руководство кафедрой психиатрии в Вене: несмотря на некоторый привкус скандальности, заслуги барона признавали все. Там же он основал ещё одну частную клинику в Мариагрюне: известность известностью, кафедра кафедрой, но надо же и о монетизации думать. На пенсию Рихард вышел в возрасте 62 лет — и через 6 месяцев, 22 декабря 1902 года, скончался.

Что такое бертранизм

В 1847 году на кладбищах в окрестностях Парижа стало беспокойно. Кто-то повадился тревожить вечный сон усопших. Причём тревожить конкретно: раскопки по свежим следам показали, что женщинам и после смерти нет покоя от навязчивого ухажера: найдёт, выкопает и будет любить. Потом вскроет, исследует внутренний мир — и снова закопает. Или не закопает, если спугнут.

Впрочем, этот монстр и мужчин тоже порой не обходил вниманием. И даже животных (этих, правда, никто на кладбищах не хоронил, зато и возни с ними меньше: убил, полюбил, вскрыл и бросил).

Кладбищенские сторожа стали слёзно просить защиты и надбавки за вредность. Или хотя бы оружия с серебром: явно же какой-нибудь упырь работает. И да, серебра бы побольше...

За сухими строчками актов освидетельствований и патологоанатомических вскрытий проскальзывало изумление выдавших виды специалистов: каким монстром надо быть, чтобы совершить с трупом половой акт, потом взрезать его и выпотрошить, как рыбу, потом... нет, тут поневоле о чертовщине думать начнёшь!

Ранней весной 1849 года, когда полили дожди, на кладбище Монпарнас отыскивались следы в том месте, где вампир перелезал через ограду. На тропинке, ведущей к изгороди, поставили растяжку, насторожив пистолет. В ночь с 7 на 8 марта растяжка сработала, но монстр ушёл. И пропал. Видимо, затаился. На несколько месяцев наступило затишье. А одной из июльских ночей кладбищенский сторож Монпарнаса (теперь ночами из этой братии уже мало кто ложился спать) заметил среди могил одинокую прихрамывающую фигуру. И вызвал подмогу.

Когда вурдалака поймали, то поначалу не могли поверить: вот ЭТО — монстр? А что какой... не монструозный? Сослуживцы 74-го полка, расквартированного в окрестностях Парижа, тоже недоумевали: да не может быть! Наш сержант Бертран? Наш тихоня Франсуа? Монпарнасский вампир? Да вы, должно быть, шутить изволите, господа! Да он же такой тихий, он же мухи не обидит!

Потом было следствие. Раскопали (пардон за невольный каламбур), что в детстве был мальчик как мальчик. Хиленький, тихенький. Ну игрушки порой ломал. Ну да, дядя был сумасшедшим, так и помер в сумасшедшем доме. В семинарии парень учился, пока в армию не забрали. Стали допрашивать Франсуа подробно, до мельчайших деталей перебирая детство и юность, — и портрет Бертрана заиграл новыми красками.

Мастурбация — с восьми лет, и чем дальше, тем активнее. Влечение к другим мальчикам — лет с девяти. К девочкам — сильное, аж до трясучки, с тринадцати. Да, господа, представлял, что они у меня в комнате, а я предаюсь с ними любви, а потом бью, мучаю, убиваю. Потом стал представлять, каково это было бы с трупами — и чтобы потом непременно выпотрошить.

Ну что вы, месье, какие женщины в семинарии. Да и кому нужен прыщавый семинарист. В армии то же самое — служба, казарма. А фантазии продолжались, и желание воплотить их крепло. Сначала удавалось с собаками: мертвые, они не лают и не кусаются. Да, находил, где их прикопали, извлекал и вскрывал. Потом и сам стал убивать. Но постепенно приходило понимание, что животные — это не то. А в 1847 году на кладбище увидел свежую могилу. Забились сердце, остро заболела голова — и Франсуа уже не мог с собой ничего поделать.

С тех пор головные боли и сердцебиение случались с Бертраном каждые две недели — и приходилось идти на кладбище, чтобы их унять. В 1848 году подвернулась могила

девушки шестнадцати лет. И если до этого человеческие трупы Бертран просто вскрывал или кромсал, то это тело дало новый толчок:

«Я покрыл его поцелуями и бешено прижимал его к сердцу. Все, что можно испытать при сношении с живой женщиной, ничто в сравнении с полученным мною наслаждением. Через четверть часа после этого я по обыкновению рассек тело на куски, вынул внутренности, а затем опять закопал труп...»

С этого момента, выкапывая труп, он всегда предавался с ним любви, прежде чем вскрыть. Но акт любви был лишь прелюдией: без того чтобы вскрыть или искромсать, ритуал, по признанию Бертрана, не ощущался им завершённым.

Между прочим, открылось, что та растяжка у изгороди чуть было не поставила точку в жизни Бертрана. Он тогда доплёлся до Маршала де Кальви, их полкового врача. И доктор его подлтал. А заодно узнал о похождениях Франсуа. Но сохранил врачебную тайну. А ведь Франсуа признался доктору во всем. И только позже, когда отпала необходимость эту тайну хранить...

Франсуа Бертрана освидетельствовала военно-медицинская комиссия, в которую, по случаю местонахождения в Париже и громкости самого дела, вошли именитые доктора, в том числе от психиатрии. Признали, что ни вампиризма, ни ликантропии у сержанта не наблюдается. Зато есть мономания.

Вы не поверите, но Бертрану присудили всего лишь год тюрьмы. А после отсидки отправили... служить дальше! Ибо такие звери нужны французской армии. Ну... не во Франции, конечно: тут его каждая, пардон, дохлая собака знает. А вот в Африке ему самое место. Пусть вон в Алжире дороги строит. А если опять по могилкам шарить начнёт — ну что же, тем хуже алжирцам. Опять же, будут побаиваться — а значит, уважать.

Выйдя в отставку в 1856 году, Бертран вернулся во Францию. Правда, не в Париж, чтобы не дразнить местных галльских петухов, а в Гавр. И там — кто бы мог подумать — остепенился и женился. Работал клерком, потом почтальоном, потом смотрителем маяка. Поговаривают, правда, что совсем уж от старых привычек избавиться не удалось, и в 1864, а позже в 1867 годах в окрестностях Гавра пострадали обитатели ещё пары могил, но это не точно. Дожив до 54 лет, Франсуа Бертран тихо-мирно почил в бозе — произошло это 25 февраля 1878 года.